

ПАФНУТИЙ

ХРОТСВИТЕ НЕ ПОВЕЗЛО в России. Писавшие о средневековой латинской культуре упоминали о ней, пожалуй, даже чаще, чем о других авторах (из чувства политкорректности: все-таки первая в Европе женщина-поэтесса), но ни одна из ее пьес до сих пор не имеет полного перевода. Б. И. Ярхо около 1917 г. начал большую серию образцово комментированных переводов из средневековой латинской литературы, подготовил два выпуска, по каролингской поэзии и по жанру видений (оба остались не изданы), и предполагал, как кажется, выпуски по вагантам и по Хротсвите. Но советское время не благоприятствовало продолжению работы, а его десятилетний труд над детальнейшим исследованием ее латинского текста, по-видимому, отбил у него охоту к созданию ее русского текста: переводчики знают, что так бывает нередко. Он перевел только ее предисловие к драмам и две странички из “Дульциция” для “Хрестоматии по западноевропейской литературе средних веков” под ред. Р. О. Шор (Учпедгиз, 1938), но и в этой хрестоматии они выпали из последующих переизданий. В 1972 г. переводы Б. И. Ярхо были перепечатаны в сборнике “Памятники средневековой латинской литературы X—XII вв.” (М.: Наука) и дополнены большим отрывком из “Авраама” и небольшим из “Каллимаха”; это — все.

Поэтому предлагаемый “Пафнутий” — первый полный перевод драмы Хротсвиты на русском языке. Мы надеемся, что он будет полезной иллюстрацией для понимания работы Б. И. Ярхо, краткое изложение которой печатается в этом номере. Главная особенность этой диалогической прозы — односложные неравноударные рифмы — очень необычна для русского читателя; может быть, такой сравнительно большой объем единообразного текста позволит читательскому слуху выработать первую привычку к ним и научиться их ожидать и замечать. Пропорции разнородных рифм соблюдены не так точно, как, вероятно, хотелось бы Ярхо: по сравнению с подлинником в переводе больше доля, с одной стороны, повышено точных двухсложных и трехсложных рифм (“согрешение—покаяние”), с другой стороны, понижено точных “ассонансов” (“согрешение—покаяния”: для Хротсвиты это неточная рифма, для русской поэзии последнего полуторастолетия — точная). Свободно допускалась рифмовка мужских окончаний, в латинском языке практически отсутствующих; хорошо ли это, и не становится ли от этого рифмованная проза Хротсвиты нежелательно похожа на русский раек, я не уверен. Параллелизмы и инверсии, поддерживающие рифмовку и создающие своеобразно неловкий синтаксис, обычный у Хротсвиты, воспроизведены до-

статочны близко к подлиннику. Характерный для всего Средневековья лексический стиль, сочетающий библеизмы и вулгаризмы, напротив, мог быть передан лишь приблизительно.

Сюжет с обращением блудницы появляется у Хротсвиты в “Пафнутии” во второй раз: в первый раз он был разработан в “Аврааме”, доступном русскому читателю. В раннем “Аврааме”, где героиня приходилась герою-отшельнику племянницей, больше мягкости и чувствительности, в позднейшем “Пафнутии” больше резкости, суровости и черно-белой контрастности: отталкивающему описанию покаянной кельи противопоставлено небесное видение спасения, в “Аврааме” подобного не было. Образцом житийных сюжетов такого рода был, конечно, евангельский рассказ о Марии Магдалине. Таида — обычное имя греческих гетер (ради одной такой Таиды Александр Македонский будто бы сжег Персеполь). Житийный рассказ о ней сложился в конце IV в.; появляющийся у Хротсвиты Антоний — знаменитый святой пустынный, и у него действительно был ученик Павел. Обративший ее отшельник в греческой версии зовется Серапион, в сирийской — Виссарион, в латинской — Пафнутий.

Латинская версия впервые излагается в “Монашеской истории” Руфина, современника и друга, а потом врага св. Иеронима (написана ок. 403–410); рассказ Руфина и послужил источником для Хротсвиты. Но словесных совпадений с источником (в отличие от “Авраама”) в “Пафнутии” почти нет. Среди шести драм Хротсвиты “Пафнутий” (как и другая ее поздняя пьеса, “Сапиенция”) выделяется обилием ученого материала, прямо не связанного с сюжетом. Видимо, это была попытка поэтически скрестить два диалогических жанра, служивших ей образцами: комедии Теренция и диалогические учебники Алкуина. Рассуждение о трех музыках — гармонии небесных сфер, гармонии человеческого тела и души, гармонии музыкальных инструментов — почерпнуто Хротсвитой (как и всем латинским Средневековьем) из Боэтия. В таком мироздании всякий человеческий грех расстраивает все гармоническое вселенское единство; эта (очень глухо выраженная) мысль делает разговор о музыке прологом к последующей истории прегрешения и покаяния. За счет столь пространного вступления “Пафнутий” оказывается самой длинной из шести Хротсвитиных драм.

Перевод сделан по изд.: Hrotsvithae opera, mit Einleitungen und Kommentar von H. Homeyer. München — Paderborn, 1970. Нумерация сцен и параграфов — по этому изданию; знаками “/” обозначено членение текста на рифмованные (по большей части) “члены”, “колонны”, “отрезки”, исследованные Б. И. Ярхо.

Обращение Таиды блудницы, / чрез Пафнутия отшельника, / подобно Аврааму, представшего в образе любовника, / ко Господу обращенной, / и для приятия / пятилетнего покаяния / в малой келии заключенной, / после же довольного свершения с Господом примиренной / и после покаяния на пятнадцатый день во Христе опочившей.

<Сцена 1. Пафнутий, ученики>

(1) — Почему, отче Пафнутий, лик твой мрачен, / а не по обычаю твоему ясен?

— У кого сердце печально, / у того и обличие мрачно.

— О чем же печаль твоего сердца?

— О поношении нашего Творца.

— Отколе же сие поношение?

— От собственного его творения, / образа его и подобия.

— Устрашительно твое речение.

(2) — Ведаю, что для Божия величия / ничто суть людские поношения, / но ежели Господу Богу / приписать метафорически людскую тревогу, / то есть ли что прискорбнее, нежели когда малый мир противоборствует / Тому, чьим браздам великий мир смиренно покорствуе?

(3) — Что есть малый мир?

— Человек.

— Человек?

— Воистину так.

— Какой человек?

— Всякий.

— Каков же он может быть?

— Таков, чтобы Создателю своему угодить.

— Трудно сие разумению.

— Ибо не тотчас дается пониманию.

— Изъясни!

— Напрягите слух.

— Изготовили мы наш дух.

(4) — Как великий мир из четырех супротивных стихий составляется, / но по воле Творца в гармоническом согласовании

обретается, / так и человек из тех же стихий, но еще более супротивных частей слагается.

(5) — Что же может быть стихий супротивнее?

— Тело и душа: / ибо стихии суть хотя и супротивны, / но все телесны; / душа же в отличие от плоти бессмертна есть, / плоть же в отличие от души бездуховна есть.

— Истинно так.

— Если же диалектически рассудить, / супротивны они не могут быть.

— Как же сие возможно?

— Диалектически рассуждая неложно: / ибо ничто не супротивно сущности, / но сущность объемлет все противоположности.

(6) — Что же значат слова твои “в гармоническом согласовании обретаются”?

— Сие значит: как низкие и высокие звоны, / гармонически быв сопряжены, / в мусическое слагаются звучание, / так стихии разночленные, / подобающе сочлененные, / единое образуют мироздание.

— Странно нам, как разногласное согласным, / а согласное может зваться разногласным.

— Ибо ни вполне подобное, / ни вполне разноподобное / и по сути и природе разнородное / не может сочетаться в согласие.

(7) — Что есть музыка?

— Наука из философического квадривия.

— Но что есть квадривий?

— Арифметика, геометрика, музыка, астрономика.

— Почему сие зовется квадривий?

— Квадривий есть четверопутье, / и как от четверопутья до роги, / так от единого начала философии исходят сии науки.

(8) — Устрашаемся вопрошить о трех иных, / ибо трудно уму нашему даже начало рассуждения о них.

— Воистину трудно.

— Молви же хоть вкратце о том, / что уже помянуто в рассуждении твоём.

— Немногое могу сказать, / ибо не отшельнику об этом знать.

(9) — Что есть предмет сей науки?

— Музыки?

— Именно.

— Суть звуки.

(10) — Единая ли она или многовидная?

— Троякая, но единоподобная: / какова одна, такова и другая.

— Чем же они разнствуют?

— Первая заключена в небесах, / вторая в человеческих головах, / третья в музыкальных орудиях.

(11) — В чем же небесная состоит?

— В сфере небесной и семи светилах.

— Как?

— Так, / что такие же в них созвучия, толикие же протяжения, / подобные же напряжения / в небесах, / каковы и на струнах.

(12) — Что суть протяжения?

— Отстояния, коими как струны, / также и планеты разделены.

— Что же суть напряжения?

— То же, что и тоны.

— Но и таковым познанием мы не вразумлены.

— Тон образуется из звуков двойных, / между коими отношение десять восьмых.

(13) — Чем предложенное постичь стремимся быстрее, / тем новое представляется нам труднее.

— Таково уж предмета нашего рассмотрение.

— Поведай же нам, что есть созвучие, / дабы уразумели мы его значение.

— Созвучие есть звуков совмещение.

— Какое?

(14) — Четырьмя или пятью или осью звуками образуемое.

— Общее уведавши название, / желаем уведать и отдельные.

— Первое именуется диатессерон, из звуков оно четырех, / отношение же их эпитритное, сиречь четыре к трем. / Второе есть дианте, из звуков оно пяти, / отношение же их гемиольное, сиречь три к двум. / Третье есть диансон, из звуков оно восьми, / отношение же их два к одному.

(15) — Стало быть, и планеты имеют звучание, / если со струнами допускают сравнение?

— Поистине.
 — Почему же они не слышны?
 — Разные суть тому причины. / Иные говорят: из-за непрерывности; / иные: из-за воздуха чрезмерной плотности; / иные: из-за огромности, / не вмещающейся в наши ушные полости; / (16) иные же говорят, что сферные звуки / таковы суть приятны и сладки, / что, услышавши оные, человеки / о себе позабыли бы, / дела свои побросали бы / и только звукам внимали бы / от часа восходного / до часа закатного.

— Благо, что они не слышимы.
 — Так они Господом предустроены.
 (17) — Довольно же о небесном: / поведай теперь о человеческом.
 — О чем?
 — О воспринимающем.
 — Не только в сложении / душевном и телесном, / не только в испускании / голоса высокого и низкого, / но и в сердца биении, / и в тела сложении, / и в суставов перста соотношении / те же меры находим, / какие и в созвучиях слышим, / ибо мусическое / обретается согласие / не только в звуках, / но и в иных многообразных предметах.

(18) — Если бы ведали мы заранее, / сколь трудно сего вопроса решение, / лучше бы нам малого мира сего не знать, / нежели трудности такие вздымать.

— Зато, потрудясь, уведали / то, чего прежде не слыхивали.
 — Истинно, / однако же стыдно, / что не объемлет наше разумение / и крупницы твоего рассуждения.

(19) — Не смейтесь надо мною, / ибо не мудрецом пред вами стою, / но невеждою.

— Откуда же ты знаешь / то, что нам излагаешь?
 — Малую каплю знания / от безбрежного мудрости изливания, / не труженически сидя, / но случайным образом мимо идя, / уловить я улучился / и вам сообщить потщился.

(20) — За щедрость тебе наше благодарение, / но страшимся апостольского речения: / “но Бог избрал немудрое мира, дабы посрамить мудрых” (1 Кор., 1,27).

— Мудрый ли, немудрый ли превратное творит — / посрамление от Господа претерпит.

— Точно так.
 — Не знание знаемого / Господу претит, / но неправосудие знающего.

— Воистину.
 (21) — А кому достойнее / и кому справедливее / знание наук посвятить, / если не Тому, кто знаемое сотворил / и знанием нас одарил?

— Никому.
 — Кто больше знает, / сколь предивно Господь все на свете числу, мере и весу подчиняет, / тот и любовь к Нему жарче пылает.
 — Доподлинно.
 — Но к чему гласить мне разные разности, / от которых ни малой вам нет приятности?

(22) — Обнажи нам печали твоей причинность, / дабы нас не угнетала любознательность.

— Ежели и узнаете, / радостны от этого не станете.
 — Знаем, что любознание / нередко влечет огорчение, / но сильнее нас оно, / ибо слабости нашей врождено.

(23) — В наши пришла края / некая женщина бесстыдная.
 — Беда опаснейшая!

— Красотою она удивительна, / злонравием омерзительна.
 — Истинно пагубна. / Как она прозывается?
 — Таида.

— Та самая блудница?
 — Да.

(24) — Всем она, порочная, ведома.
 — И не диво, ибо мало ей немногих губить, / но всех она готова красотою манить / и на гибель влечь.

— Удручительна твоя речь.
 (25) — И не только простецы скудость добра своего расточают, / ее ублажая, / но и вельможные мужи драгоценности многообразные погубляют, / своим ущербом ее обогащая.

— Страшимся слышать.
 — Толпы влюбленных у нее на дворе.
 — Себе на горе.

(26) — Ослепленные, / умопомраченные, / к ней прибывают, / ссоры затевают.

- Одни пороки другие порождают.
- В драках лица друг другу поражают, / оружие обнажают, / крови потоки / орошают распутницыны пороги.
- Грех великий.
- (27) — Сие-то поношение Творца / оплакиваю я в скорби сердца.
- Чаятельно, в райской обители / скорбят с тобою все небожители.
- (28) — Не пойти ли мне к ней под видом влюбленного, / дабы отвратить от намерения греховного?
- Кто внушил тебе таковое желание, / Тот подарит тебе искомого достижение.
- Поддержите меня молитвами прилежными / устоять перед кознями враждебными.
- Кто князя тьмы ниспроверг, / Тот и над недругом даст тебе верх.

<Сцена 2. Пафнутий, юноши>

- (1) — Вот юноши стоят на площади: / подойду к ним и вопрошу: / где та, которой ищю.
- Вот неведомый человек к нам подходит: / попытаем, чего он хочет.
- Кто вы, приятели?
- Этого города обитатели.
- (2) — Благослови вас Боже!
- И тебе того же, / здешний ли ты жилец / или дальний пришлец.
- Пришлец издалека.
- Ради какого прока?
- (3) — Сказать не смею.
- Почему?
- Тайное дело имею.
- Лучше его открой, / ибо ежели ты чужой, / то без здешнего совета / нелегко тебе будет достичь успеха.
- Но не явится ли мне от того помеха?
- Не от нас.
- (4) — Ободрениям вашим уступаю, / вашей верности мою тайну открываю.

- Неверности не опасайся, / противодействия не пугайся.
- (5) — Дошло до меня, / что живет здесь некая жена, / всем прелестная, / ко всем любезная.
- Знаешь ли ты ее имя?
- Да.
- Назови его нам.
- Таида.
- Пламень в нас пышет от ее вида.
- Говорят, что нет ее прекраснее, / нет ее приятнее.
- Молва нелжива, / так она красива.
- (6) — Ради нее я с пути сошел, / чтобы ее увидеть, пришел.
- Ничто тебе в том не мешает.
- Где она обитает?
- Вот / дом, где она живет.
- Тот ли дом, / на который указуешь перстом?
- Тот самый.
- Пойду к ней прямо.
- Если хочешь, мы тебя сопроводим.
- Нет, пойду один.
- Воля твоя.

<Сцена 3. Пафнутий, Таида>

- (1) — Ты ли Таида, / коей взыскую вида?
- Кто ты, странник?
- Твой поклонник.
- Кто с любовью ко мне приходит, / равную любовь во мне находит.
- (2) — О Таида, Таида, / сколь многие / исходил дороги я / ради счастья тебя узреть / и с тобою разговоры иметь!
- Лица своего не скрываю, / в разговорах никому не отказываю.
- (3) — Тайна собеседования нашего / уединенного места себе спрашивает.
- Вот ложе, / мягко стланое, / вести на нем можешь / беседы пространные.
- Для разговора тайного / нет ли места более дальнего?
- (4) — Есть дальше, / есть тайное / такое место, / что лишь Богу да мне известно.

– Богу? какому?
 – Истинному.
 – Коему все открыто?
 – Ничто от Него не скрыто.
 – Справедливость ли Он блюдет / или неправедными делами небрежет?

– О заслугах наших и грехах / весы справедливости в Его руках, / с награждением либо наказанием / каждому по его деяниям.

(5) – О, предивное / милосердие Христово и долготерпение, / что грешников, о грехах своих ведающих, видишь, / но промедляешь и не губишь!

– Отчего трепещешь? / отчего бледнеешь? / отчего слезы проливаешь?

– Трепещу о твоём дерзновении, / плачу о твоём падении, / ибо все ты знала / и столько душ погубила!

– Горе мне, бедной!

(6) – Погибнешь тем справедливее, / чем в знании своём дерзновеннее / оскорбляла ты Божеское величие.

– Горе мне, горе! / Что ты гласишь? / чем мне, несчастной, грозишь?

– Ад тебя ждет крошечный, / если в жизни пребудешь грешной.

– В недра проникает душевные / страшное твоё назидание.

(7) – О если бы оно / так тебя потрясло, / чтоб не стало в тебе дерзновения / гибельные лелеять наслаждения!

– Есть ли место гибельному наслаждению в сердце моем, / если в нём / горесть внутреннего страдания / порождает страх нового воздаяния / за деяния, / совершенные в здравом сознании?

– Хочу я, чтобы вместо шипов / выкорчеванных пороков / вызрели гроздь покаяния.

(8) – О если бы вера, / если бы надежда / мне, презренной, / тысячью тысяч скверн оскверненной, / грехи мои искупить / и любым покаянием прощение заслужить!

– Нет греха столь тяжкого, / преступления столь великого, / чтоб не смыть покаянными слезами, / если дела последуют за словами.

– Молви, отче, молви, какие деяния / способны снискать дарование прощения!

(9) – От мира отрекись, / развратных любовников сторонись.

– А после того?

– В уединенное место последуй, / сама себя исповедай, / дабы слезы твои горькие / грехи оплакали столькие.

– Если можно мне на сие уповать, / то ни мига не стану я промедлять.

– Нет сомнения, / что сбудутся упования.

(10) – Дай мне время / имения свергнуть бремя, / худо нажитого, / долго хранимого.

– О том не тревожься, / охотники на него найдутся.

– Не о том тревожусь, / чтобы себе что сохранить / или друзей одарить, / ни даже неимущим не хочу их уступить, / ибо цена греха / даже благодеянию помеха.

(11) – Правильно судишь. / Что же ты с ним делать будешь?

– Огню приобщу / и в пепел обращу.

– Почему?

– Да не будет / оставлено в людях / дурно нажитое достояние, / Господа Творца поругание.

(12) – О сколь иною / являешься ты ныне предо мною, / нежели когда пылала любовью лживою / и гналась за порочною наживою.

– Божиею волею / чаю к лучшему перемениться более.

– По Божью изволению / и неизменному бывает изменение.

– Иду / и что замыслила, то свершу.

– С миром отправляйся, / вскоре же ко мне возвращайся.

<Сцена 4. Таида, любовники>

(1) – Спешите ко мне, бывшие / любовники мои недобрые.

– Слышим голос Таиды. / Поспешим, да не будет ей обиды.

– Придите, ибо с вами / обменяться хочу словами.

(2) – О Таида, Таида, / что за костер ты слагаешь? / Отчего богатства разные и прекрасные на него взлагаешь?

– Вопросаете Таиду?

– Ибо дивимся такому виду.

– Не замедлю показать.

— Жаждем узнать.

(3) — Каждый всмотрись!

— Умиришь, Таида, умиришь! / Что делаешь? / почто безумствуешь?

— Не безумствую, / но умоздравствую.

— Для чего ты губишь четыреста фунтов золота, / и горит богатства разность и красота?

— Все, чем вы неправедно льстили меня привлечь, / я на оном пламени хочу сожечь, / дабы не было места надежде, / что вашей любви уступлю, как прежде.

(4) — Остановись на малость, остановись / и причиную смятения твоего объявись!

— Не остановлюсь / и словами с вами не поделюсь.

— Отчего ты нас презираешь? / или неверность какую в нас замечаешь? / Мы ли / твоим желаньям не послушны были? / А ты нас неправую ненавистью встречаешь.

— Отойдите / и одежду мою, хватаясь, не рвите: / и того довольно, / что доселе я с вами грешила своевольно. / Но кончен грех: / отрекаюсь от вас от всех.

(5) — Куда она идет?

— Туда, где никто из вас меня не найдет.

— Диво! о ужас! Таида, / которая всегда / в богатстве радовалась счастью, / а душою прилежала сладострастью, / и единого наслаждения искала, / ныне золото и самоцветности без колебания побросала / и влюбленных нас воспрезрела / и недоступна вовеки стала!

<Сцена 5. Таида, Пафнутий>

(1) — Се, отче Пафнутий, / следую за тобою до любых перепутий.

— Промедление твое было мне тревожно: / не пошла ли ты вновь по дороге ложной.

— Не тревожься о том, / ибо помыслы мои об ином: / я одежд роскошеств моих совлеклась / и от любовников моих прилюдно отреклась.

(2) — Благо, что отрекаешься, / ибо ныне предаешься / истинному / любовнику твоему / иже ввыси / на небеси.

— Отче, начерти мне пути, / которыми идти.

— Следуй за мною.

— Следую твоею тропюю / и вождею / следовать жизни твоею.

<Сцена 6. Пафнутий, Таида>

(1) — Вот обитель, в которой девицы / обретаются священножительницы. / Здесь будь место твоего обитания / до свершения / должного покаяния.

— Не противлюсь.

— Вниду к настоятельнице, / оных девиц наставительнице, / упрошу ее тебя принять.

— А мне что делать?

— За мною последовать.

— Как повелишь.

(2) — Се, настоятельница / сама пред нами является. / Диво, / что некто о нас известил ее столь скоро.

— Молва людская, / меж скорыми самая скорая.

<Сцена 7. Пафнутий, настоятельница>

(1) — Во благо нам являешься, / честная игуменья, / ибо днешь взыскую тебя.

— Отче Пафнутий, / любимец Божий, / воистине нами чтимый, / благословен твой приход.

— Благостью вечного благословения / да изольется на тебя милость Вседержителя.

— Для каких причин твоя святость / удостоила посетить обители нашей малость?

(2) — Нуждаюсь в твоей помощи / при некоторой гнетущей надобности.

— Легким словом мне возвести, / что должна я произвести, / я же твоим повелениям / послушествую со всем прилежанием.

(3) — Козочку привел я полуживую, / волчьими зубами истерзанную, / дабы жалостию ты ее возлелеяла, / заботою исцелила, / доколе козией щетины она не отрешится, / овчей рунной мягкостью не облечется.

— Изъясни.

(4) — Сия, / тебе предстоящая, / в блудодействии жизнь свою провождала.

— Горестно!

— Всяческому распутству себя предавала.

— Себя погубляла.

— Ныне же, моим побуждением / и Христовым Господним вспоможением, / пременила она желанное в ненавистное / и познала вместо легконравного чистое.

— Исполать побудителю премены и содетелю.

(5) — Поелику же скорбь душевная, / яко и телесная, / средствами / изживается противодейственными, / то ныне, отъявшись от мирских забот, / в малую / да внидет она келию, / дабы в ней / отрястись от греховности своей.

— Во благо.

(6) — Повели, / дабы келию такую построили.

— В самом малом времени.

— Да не будет в ней ни входа / и ни выхода, / но оконце лишь малое, / чрез которое / дастся пропитание скудное, / в должный день и час ей назначенное.

(7) — Опасаюсь, что нежность ее душесложения / не потерпит тягости толикого тружждения.

— Не опасайся, ибо греховные бедства / надежного для исцеления требуют средства.

— Истинно так.

(8) — Тягостно для меня промедление, / ибо опасно ей меж людей пребывание.

— Напрасно твое опасение: / введи ее в заточение, / ибо построена келия, / столь тебе желанная.

(9) — Преславно.

<Пафнутий, Таида>

— Вниди, Таида: / се твое жилище, / для оплакивания грехов твоих должное прибежище.

— Сколь малое, / сколь темное, / сколь для женского обитания неудобное!

(10) — Почто пугаешься? / почто войти не решаешься? / Поистине, жившей доселе в блуждании неукротимом, / днесь тебе довлеет обуздание в месте уединенном.

— Душа, привычная к роскошности, / часто неприязненна бывает к суровости.

— Тем паче ей должно послушанию покорствоваться, / доколе не престанет противоборствовать.

(11) — Что повелевает отческое твое степенство, / того не отвергнет мое убожество; / некое однакоже неудобство / вижу я в сей обители, / трудное для плотской моей слабости.

— Каково / то неудобство?

— Красною вымолвить.

— Не стыдись прямосердечно открыть.

(12) — Есть ли что неудобнее / и несноснее, / нежели то, что различные надобности плотские / в едином месте / надобно избыывать? / Станет оно вскорости негодно для обитания / крайнего ради зловония.

— Не страшись скоротечного, / но страшись во аде мучения вечного.

— Слабость моя / ко страху побуждает меня.

— Пагубную сладость наслаждения / должно омыть тебе оным излишеством зловония.

(13) — Не отвергаю, / не отрицаю, / что мне, смердящей, / справедливо пребывать в щели мерзейшей, / но о том стражду, / что места такого не вижу, / откуда возносить чисто и честно / моления ко грозной силе небесной.

— Но откуда в тебе / такое самомнение, / чтобы оскверненными губами твоими / пречистейшей божественности выговорить имя?

(14) — На кого же возложить мне упование, / чье спасти меня может милосердие, / если мне запретно воззвание / к Тому, пред Кем я преступница / и к Кому Единому должные молитвы возносятся?

— Должно тебе молиться не словами, / но слезами, / не звонкостью гласа, / но рыданием уязвленного сердца.

— Если не дано мне Господа словесно умолять, / как же мне тогда о спасении уповать?

— Тем скорее ты спасения удостоишься, / чем смиреннее пред Господом умалишься. / Только и молви: / "Господи, / сотворивший меня, / ныне помилуй меня".

(15) — В милосердии Его нуждаюсь, / и без оногo в борении ломаюсь.

- Борись упорно, / и победу одержишь наверно.
- Но мне надобны твои молитвы, / дабы с победою выйти из битвы.
- И без просьб я на том стою.
- Уповаю.

<Пафнутий, настоятельница>

(16) – Ныне пришло время в желанное / воротиться мне мое уединение / и дорогих / посетить учеников моих. / А тебе, / досточтимейшей игуменье, / благодати твоей и попечительности, / оставляю я узницу сию, / дабы слабость ее ты крепила умеренными телесными вспоможениями, / а душу вдосталь восстановляла целебными наставлениями.

- Не тревожься, ибо материнскою / опеку я ее заботою.
- Отхожу в свой путь.
- С миром!

<Сцена 8. Пафнутий, ученики>

(1) – Кто стучит у дверей?

- Эй!
- Не голос ли то Пафнутия, / нашего учителя?
- Отворите!
- Здравствуй, отче.
- И вы здравствуйте.
- Тревожны мы были об отсутствии твоём долгом.
- Но было оно благом.

(2) – Что же сделалось с Таидою?

- Все по моему желанию.
- Где она?
- В малой келии / оплакивает прегрешения свои.

(3) – Слава Господу Тринединному!

- И благословение имени Его грозному / ныне и присно.
- Аминь.

<Сцена 9, через три года. Пафнутий>

– Се, / миновало трехлетнее / Таидино покаяние, / мне же неведомо, / было ли Господу благоугодно / сердечное ее угрызение. / Встану и пойду / к Антонию, брату моему, / дабы чрез его посредство / стало мне сбывшееся явлено.

<Сцена 10. Антоний, Пафнутий>

(1) – Что сие за нечаянная радость? / что за внезапная приятность? / Не Пафнутий ли, брат мой и соотшельник? / Воистину он.

– Воистину я.

– Прекрасно, брат мой, что ты пришеествовал, / прекрасно, что меня приходом твоим порадовал.

– Не менее я ликую о твоём лике, / нежели ты о моем приходе.

(2) – Какова же причина, столь мне отрадная, / извела тебя из твоего уединения?

– Изъясню.

– Внемлю с жадностию.

– Обреталась у нас тому назад три года / блудница по имени Таида, / и не только себя погубляла, / но и иных многих за собою к погибели увлекала.

– О, нравы достослезные!

(3) – К ней пришел я во образе любовника и распутную душу ее поначалу сладкими поощрениями льстиво услаждал, / после же суровыми увещаниями грозно устрашал.

– Таково сочетание, / для ее распутства уместное.

– И она, отступясь, порочные свои обычаи воспрезрела, / чистоту избрала / и себя в теснейшую келию заточить предпочла.

(4) – Радуюсь, слыша, / и ликует моя душа, / и счастливо бьются / жилы моего сердца.

– Таковая радость / украшает твою святость; / я же, безмерно ликую о ее обращении, / пребываю, однако, в некоем смущении, / преуспела ли ее телесная слабость / одолеть трудов столь долгую тягость.

– Где неложно благоволение, / там присуще и доброе сострадание.

(5) – Посему и тебя прошу о благоволении: / чтобы ты и ученики твои / общими со мною молитвами / дотоле усердствовали, / до-

коле не явится небесное знамение, / что божественное милосердие, / тронутое слезами покаяния, / удостоило кающихся прощения.

- Соглашаемся мы на просьбу твою охотно.
- И всемилостивым Господом услышаны будете несомненно.

<Сцена 11. Антоний, Пафнутий>

(1) – Се, сбылось на нас евангельское обещание.

- Какое?
- Божье слово нам обещает, / что моление совокупное всего достигает.
- Что же?
- Павлу, ученику моему, некое / явлено было видение.
- Призови его.

<Антоний, Павел>

– Приди, Павел, / и поведай Пафнутию, что ты видел.

(2) – Видел я в видении ложе небесное, / чистейшими покровами прекраснейше устланное, / и при том ложе / четыре светлые девы стояли на страже, / и такая была дивная светлость и сладость, / что в душе моей мне подумалось: / “Славы такой достоин лишь один / Антоний, отец мой и господин”.

- Недостойн есмь.
- И мне грянул небесный глас: / “Слава сия / не для Антония, / но для того хранится, / дабы обрела ее Таида блудница”.

<Пафнутий, Антоний>

(3) – Слава сладости, Господи Христе, Твоего милосердия, / что в печали моей удостоен я столь благого утешения.

- Воистину слава.
- Ныне пойду / и узницу мою навещу.
- Да, пора возвестить ей спасительное упование / и вечного блаженства обетование.

<Сцена 12. Пафнутий, Таида>

(1) – Таида, дочь моя приемная, окно свое отвори / и лицо свое мне яви.

– Кого слышу я?

- Отца твоего Пафнутия.
- О, за что мне сладость толикой радости, / что снизошел ты меня, грешную, навещать?
- Я три года, отсутствуя телесно, / пекся душою о спасении твоём небесном.

– Несомненно.

(2) – Изъясни мне повесть твоего обращения / и меру твоего покаяния.

– Изъясню свободно, / разумея, сколь мало / делала я то, что Господу угодно.

– Если Господь на беззакония воззрит, / ни единый не устоит [Пс. 129,3].

(3) – Если хочешь знать, что я делала, / то великое множество грехов своих я в мыслях своих как в связку связала / и душевным оком постоянно на них взирала, / дабы как от ноздрей моих мерзость зловония, / так от мысли не отступал ужас адского наказания.

- Покаянием себя наказуешь / и тем прощение себе обретаешь.
- О, прощение возжеленное!

(4) – Дай мне руку, / я из келии тебя изведу.

– Нет, чтимый отче, / из нечистот моих не исторгни смрадную меня, / по грехам моим да будет мне обитель моя.

– Время настало, умерив страх, / уповать на истинную жизнь в небесах, / ибо Всевышнему / угодно твое покаяние Господу.

– Ему же славу / да возносят ангелы и архангелы, / что не воспрезрел он смирения / сердечного моего сокрушения.

(5) – Будь же в страхе Господнем неколебима / и в любви к Нему неутомима, / и через пятнадцать дней / отрешись ты от смертной своей / плоти / и по счастливом свершении пути, / вышнюю благодатью осененная, / преселишься ты в горние селения.

– О, когда бы заслуга моя / избавила меня / от наказующего огня! / Ибо не по заслугам моим / быть мне одаряемою блаженством вечным.

– Даром Божий дар даруется [Римл. 3,24] / и заслугою человеческою не меряется, / ибо если бы сие благо по заслуге давалось, / благодатью оно бы не именовалось.

(6) — Посему да восславит Его согласное / пение всеневесное, / и весь круг земной, и всех тварей род, / и все бездны мятущихся вод, / что не только Он терпит наши согрешения, / но и дарует воздаяния / за наши покаяния.

— Так издревле / Господу угоднее / малых миловать, / нежели казни предавать.

<Сцена 13, через пятнадцать дней. Таида, Пафнунтий>

(1) — Чтимерший отче, / не уходи от меня прочь, / не лишаи меня утешения / в час конечного моего отрешения.

— Не уйду, / не отойду, / доколе, души твоей заневесному внемля плесканию, / тела твоего не предам погребению.

(2) — Приступаю умирать.

— Ныне должно молитвы воссылать.

— Господи, сотворивший меня, / ныне помилуй меня, / и душе, которую Ты одушевил, / для счастливого возвращения к Тебе дай сил.

(3) — Не сотворенный ни от кого, / Образ, Коему чуждо вещество, / Чье Единобытие / воздвигло состоять из оногo и сего / человека, который не есть то, что он есть, / — даруй различным частям разрешаемого человека / желанно воротиться к тому, что началом их было от века, / дабы и душа, / небесною причастностью хороша, / к радостям небесным возвезлась, / и тело в нежном лоне земли, вещества своего, мирно улелеялось, (4) впредь до дня, когда прах сойдется с прахом / и возрожденные члены вновь живым проникнутся духом / и восстанет сия Таида в совершенной своей человечности / в овчем чистейшем стаде / вековечной радости ради, / — Ты же, иже един еси еже еси, в Троиединости Твоей царствуй и славься во веки веков.

*Перевод с латинского
и предисловие М. А. Гаспарова*

SUMMARIES

A.L. Dobrokhotov

The Return of Metaphysics or What Headway has been made by Metaphysics since the Time of Parmenides

This essay discusses some of the more important discoveries of western metaphysics that are connected with the philosophy of Parmenides. The reader will see that the most decisive steps forward in metaphysics were more often made in polemical discussion with Parmenides than through agreement. Nonetheless, it also becomes clear that these new discoveries are more closely related to Eleatic philosophy than was originally thought. The manner in which Parmenides' teaching about being was passed on is interpreted by the author as the means by which metaphysics itself exists in general.

A.M. Monin

Ovid in Tomis

The author attempts to reconstruct the unique experience of exile represented in the Tomi verses of Ovid. Ovid's exile was the most complete and the most remote imaginable, because the State and the world from which he was banished was ordered to the highest degree. Neither before nor after that time was Roman social structure so close to its ideal condition. The god-like Caesar was the father of the nation, and the Empire was the center of the world. When Ovid was banished by Augustus's Decree to the periphery of the Empire, the bank of the Danube, he missed not only Rome but the world itself, the only true world he had ever known. He found himself in the land of death, and was surrounded only by death; this was because the